

Кашляк, С. Г. Византийская пограничная дружина / С. Г. Кашляк // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 133–136.

С. Г. Кашляк

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ДРУЖИНА

На восточном пограничье Византийской империи в пределах так называемой византийско-армянской контактной зоны сформировалась своеобразная социальная группа акритов, которая существовала за счет перманентной войны. Предшественниками этой социальной группы были римские *limitanei* времен Домината и поздней Империи. Но в отличие от своих предшественников, акриты обладали гораздо большими привилегиями — они были полностью освобождены от налогов (стратиоты платили поземельный налог). Вдоль византийской восточной границы была создана зона относительно небольших военно-административных единиц: банд, клисур и топотирий. К XI в. эти единицы получают наименование «акритских фем» в противовес «ромейским фемам», более крупным и созданным ранее. В источниках эти пограничные фемы именуется еще «армянскими», по имени этноса, на чьей территории они создавались и представители которого составляли большинство воинов этих фем. Надо учитывать также, что здесь мы говорим об армянах-халкедонитах, вошедших в ромейскую общность, причем, источники часто не различают на то время грузин и армян халкедонского вероисповедания.

Образ жизни и военное дело акритов ярко отражены как в византийском героическом эпосе «Дигенис Акрит» и цикле акритских песен, так и в военных трактатах (*PERI PARADROMHS POLEMOU* или *De velatione bellica*).

В X в. эта социальная группа была в значительной мере дополнена большим количеством мелких и средних землевладельцев — катафрактов, число и имущественное положение которых резко увеличилось в результате «Византийской реконкисты». Именно

катафракты становятся носителями восточной «рыцарской» традиции, пришедшей к византийцам через армян-халкедонитов.

Именно из этой среды вышли в своем подавляющем большинстве семьи, составившие впоследствии «клан Комнинов», правивший Византией в течении столетия. Более половины этих семей выходят на общевизантийскую политическую арену в XI в. как бы из ниоткуда. Правда, с уверенностью можно определить как акритскую по своему происхождению только семью Гавров (*Gabras*), обладавшую значительной властью и влиянием в феме Халдия (район Трапезунда). Эта семья активно боролась с мусульманской экспансией (турки-сельджуки) в Малой Азии. В результате один из Гавров, Феодор, мученически погибший в плену у турок, был объявлен святым. Само наименование семьи *Gabras* происходит от корня *GBR* — «гебр», «неверный». Именно так называли у мусульман византийских пограничников акритов. Впоследствии предста вители семьи Гавров встречаются на службе как

византийских императоров, так и иконийских султанов, что еще раз свидетельствует о принадлежности ее к восточной контактной зоне Византийской империи.

Поскольку акриты являлись продуктом византийско-армянской контактной зоны, то наличествует значительное армянское влияние. В данном случае армяне выступали в роли трансляторов другой, более древней традиции, сформировавшейся в Иране парфянского и сасанидского периодов. Мы имеем здесь дело с традицией, ставшей стержневой для мира ислама и для тюрко-монгольской степной зоны. Потому, говоря о восточном «рыцарстве», мы имеем ввиду именно иранскую традицию, которая окончательно сложилась в правление династии Сасанидов и нашла отражение в «Аиннаме» — «Книге установлений», а впоследствии и в «Шахнаме» Фирдоуси. Среди воинов «армянских фем» насчитывалось значительное количество катафрактов, составлявших ударную силу армии.

Общим для восточного «рыцарства» была система воспитания, был так называемый «фраханг» у иранцев или «фурусийа» у арабов. Эта система шести «искусств», приличествующих воину: владение копьем, мечом и щитом, вместе и по отдельности, стрельба из лука, выездка и конное поло, ставшее основным методом подготовки к конному бою в составе отряда. Эта же система «искусств» воина присутствует и у византийцев. По крайней мере поэт Феодор Продром в пожелании юному императору Алексею II перечисляет именно восточные воинские «искусства». О западноевропейских

«рыцарских искусствах» речи нет, несмотря на тесные контакты Византии с Западом в XII в. в правление династии Комнинов.

В эпосе «Дигенис Акрит» мы видим, что акриты организованы по кровнородственному клановому принципу: 1) семья или группа родственных семей из пограничной землевладельческой аристократии; 2) зависимые военнообязанные люди (рабы, клиенты). Внутри такие образования были связаны сложной системой горизонтальных (дружба, побратимство) и вертикальных (личная зависимость, «вассалитет») связей. Отношения, подобные вассальным в Византии, имели свою специфику: принцип «вассал моего вассала — не мой вассал» считался не приемлемым; вообще византийский термин, обозначающий военно-зависимого человека, переводится, как «раб-друг».

В византийском героическом эпосе, события которого происходят именно на границе империи, действует именно такой «клан», состоящий в общей сложности из 24 пограничных землевладельцев-аристократов с их зависимыми людьми, обязанными военной службой. В свою очередь этот «клан» связан родственными узами с другими аналогичными пограничными группировками.

Численность такой дружины может быть 30 или 40 человек. Тридцать — число более архаичное, отразившееся в древнейших вариантах эпоса. Сорок же более позднее, связанное с социально дифференцированным обществом. Причем именно число сорок нашло реальное отражение в воинских структурах дружин. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в различных версиях византийского эпоса «Дигенис Акрит» и в цикле так называемых «акритских песен»: в Гротта-Феррарской версии эпоса, наиболее «ученой» и приближенной к мировосприятию элитарных слоев общества акритская дружина насчитывает сорок пять воинов, тогда как во всех остальных 300 или 100. Именно дружина в сорок человек становится классической для иранского раннего средневековья сасанидского периода. Позднее эта традиция распространилась и в исламских государствах Ближнего и Среднего Востока. Иранская дружина

представляла собой систему отношений, с одной стороны, между друзьями (побратимами), а с другой — между владыкой и его клиентами (слугами, рабами). «Мужские дома» Таджикистана сохранили именно такую дружинную структуру еще в первой половине XX в., продолжая сохранять древние воинские традиции даже в условиях их полного устаревания.

И здесь крайне интересен тот факт, что «клан Комнинов», «ставший у власти в Византии, на протяжении своего векового

нахождения у власти насчитывал в своем составе от 28 до 31 семьи. То есть, в среднем численность родственных Комнинам семей, находящихся при исполнении тех или иных властных функций, равнялась 30. За все время нахождения династии Комнинов у власти в группу родственных им семей входило всего 38 семей. Система отношений внутри «клана Комнинов» позволяет утверждать, что это была по сути дружина, вставшая во главе государства. Данное явление вовсе не является уникальным для многих азиатских государств, но для Византии с ее бюрократическими традициями, уходящими корнями в эпоху поздней Римской империи и ранней Византии, это без сомнения нонсенс, возможный только в обстановке тотального кризиса византийского общества и государства во второй половине XI в. Тогда как обычно такое превращение дружин возможно лишь в условиях становления государственности.